

Глава 6. Нет причин для беспокойства

Пока Тан Чжэ ополаскивал руку Мин Яна под струей воды, он уже отправил сообщение дворецкому. С особого разрешения дворецкому и Туту больше не нужно было "добровольно" гулять до девяти или десяти часов, и вскоре они вернулись с мазью от ожогов.

Тан Чжэ осторожно наносил мазь, в то время как Мин Ян несколько раз открывал рот, как будто хотел что-то сказать, но каждый раз останавливался, так как затяжная сладость грейпфрута на его губах сдерживала его слова.

"Ху..." Тан Чжэ, подражая тому, как он утешал себя в детстве, нежно подул на палец Мин Яна.

Кончики пальцев Альфы слегка дрожали.

Тан Чжэ немедленно забеспокоился: "Мистер... мистер Мин, это... все еще... все еще больно?"

Дворецкий, стоявший поблизости, подумал про себя, что это был не тот человек, которого следовало спрашивать.

Дворецкий служил в семье Мин несколько лет, прежде чем прибыл Тан Чжэ. На его памяти Мин Ян много раз получал травмы. Бизнес семьи Мин был обширным и далеко не таким чистым, как казалось на первый взгляд. Особенно в хаотичные годы, когда семья была полна междоусобиц, Мин Ян постоянно был окружен волками.

Мачеха Мин Яна всегда стремилась вбить клин между ним и его отцом, чуть не вынудив Мин Яна вообще покинуть семейный бизнес.

Шрам на лбу Мин Яна остался с того времени.

Эти люди приняли твердое решение лишить Мин Яна жизни. Несмотря на свою осторожность, он не мог предвидеть каждую атаку. Худший инцидент заключался в том, что они взломали его машину и завербовали другую группу с намерением хладнокровно убить его.

Когда дворецкий нашел Мин Яна, у него была зияющая рана на лбу и множественные переломы по всему телу. Тем не менее, даже пролежав в больнице больше месяца, Альфа ни разу не пожаловался на боль.

Тан Чжэ, не услышав ответа от Мин Яна, в замешательстве оглянулся, только чтобы увидеть, что Альфа смотрит вниз, погруженный в свои мысли.

Мин Ян просто был погружен в размышления.

Ожог на пальце был для него незначительной травмой — всего лишь небольшой ожог, ничего существенного. Но что озадачило Мин Яна, так это то, что, например, у него, казалось, отключилось осязание...

Когда он случайно коснулся края обжигающе горячей кастрюли, он не почувствовал сильной боли — возможно, потому, что контакт был слишком коротким. Но только что, когда маленький заика нежно взял его за руку и тихонько подышал на нее, Мин Ян почувствовал, как весь его палец нагрелся, как будто он был в огне.

Даже вся его рука, в том месте, где он ее держал, казалось, излучала тепло.

Это было странно.

Мин Ян был настолько поглощен своими мыслями, что не услышал вопроса Тан Чжэ. Когда он, наконец, поднял глаза и встретился с растерянным взглядом Тан Чжэ, он вернулся к реальности.

С суровым выражением лица Мин Ян попытался скрыть мимолетные, едва уловимые эмоции, которые промелькнули у него в голове, затем убрал руку. Он привычно потер лоб, его большой палец провел по шраму, пересекавшему надбровную кость, прежде чем остановиться на виске.

Это было его подсознательным действием всякий раз, когда он чувствовал беспокойство.

Тан Чжэ снова занервничал.

Маленький заика давно заметил шрам на лбу Альфы — он был похож на ножевую рану, недалеко от кончика брови. Хотя шрам был неглубоким, он находился в опасной близости от глаза. Тан Чжэ было невыносимо думать, что могло бы произойти, окажись рана чуть ниже.

При мысли о сложной и опасной ситуации в семье Мин глаза Тан Чжэ слегка покраснели.

Сколько боли, должно быть, перенес мистер Мин, когда получил эту травму?

Тан Чжэ поднял руку и осторожно коснулся шрама на лбу Мин Яна, ощутив легкую шероховатость под кончиками пальцев. "Мистер... мистер Мин".

Руки Тан Чжэ были маленькими, хорошо сложенными и бледными, с мягкими кончиками пальцев, в отличие от рук Мин Яна, которые огрубели за годы боевых тренировок.

Прикосновение Тан Чжэ было легким, как трепетание бабочки, которая едва осмелилась приземлиться.

"Твоя... твоя рана... снова болит?" Тан Чжэ запнулся, но изо всех сил постарался ясно выразить свою озабоченность.

Однако крылья бабочки вызвали бурю.

Мин Ян отреагировал как кошка, чью шерсть взъерошили не в ту сторону, его голос был холоден, когда он отвернул голову: "Это не больно, отпусти!"

Хотя его тон был жестким и неприступным, если вы внимательно прислушались, то могли услышать напряжение, скрывающееся за его голосом.

Мин Ян хотел сказать, что эта рана была пустяковой. Ожог тоже был незначительным.

Он... не нуждался ни в чьей заботе, как и сам не нуждался ни в чьей заботе. В конце концов, никакие отношения не длятся вечно, и Мин Ян не верил, что кто-то может заботиться о другом человеке без причины.

Его связь с маленькой зайкой была лишь временной, вынужденной по независящим от них обстоятельствам.

Единственный человек, на которого он мог по-настоящему положиться, был он сам, напомнил себе Мин Ян. Точно так же, как со шрамом у него на лбу — с людьми, которые повредили его машину, разобрались, и любой, кто пытался позже ему напакостить, плохо кончил.

Он никогда не был хорошим человеком.

Мин Ян постепенно успокоился, Альфа на мгновение прикрыл глаза. "Тан Чжэ —" Помни свое место.

Прежде чем он успел закончить предложение, он почувствовал тепло в своих объятиях.

Семье Тан не нравился маленький заика, и он не очень умел утешать других. Он только слышал в дорамах, что когда кому-то грустно, объятия могут помочь. Тан Чжэ не знал, сработает ли это, и не был уверен, что Мин Ян это оценит.

Но это было все, что он умел делать.

Итак, маленький заика собрался с духом, пытаясь поделиться своим теплом с Мин Яном.

Тихим, но решительным голосом маленький заика сказал: "Мистер... мистер Мин, не... не бойтесь".

— Я здесь, и я останусь с тобой.

— Хотя... Я мало что знаю, если кто-то снова попытается причинить тебе боль, я могу, по крайней мере, встать перед тобой.

<http://bllate.org/book/13251/1179356>